

Библейское повѣствованіе о потопѣ въ его отношеніи къ даннымъ геологіи и преданіямъ народовъ.

(Окончаніе).

II.

Всемирный потопъ, о которомъ повѣствуетъ Библия,—это фактъ, имѣющій для себя двойное освѣщеніе. Не расходясь съ данными новѣйшей геологіи, онъ соприкасается, *но не сливается* въ подробностяхъ съ преданіями народовъ, которые хранятъ въ воспоминаваніяхъ или въ обрывкахъ литературныхъ памятниковъ сказанія о томъ же фактѣ. Здѣсь Богооткровеніе входитъ какъ бы въ преддверіе исторіи народовъ. И эти народы, почти всѣ племена, согласно говорятъ о развращеніи допотопныхъ обитателей земли, о ковчегѣ, иногда о Ноѣ, о птицахъ, какъ вѣстникахъ окончанія потопа, о радугѣ, какъ знакѣ примиренія человѣка съ божествомъ¹⁾. Наибольшій интересъ среди преданій,

¹⁾ Часть этихъ преданій обследована и въ русской богословской литературѣ. Сюда, на примѣръ, относятся курсы апологетики См. также Дьяченко „Приготовленіе рода человѣческаго къ принятію христіанства“. Москва. 1884 г стр 91 и далѣе Лопухинъ „Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій“. Петербургъ. 1889 г. т I. Стр. 165—185 Проф С. Глаголевъ „О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго“. Москва. 1894 г. стр 556—576. Богородскій „Начало исторіи міра и человѣка по первымъ страницамъ Библии“ Казань. 1906 г стр. 365—371. Изъ переводныхъ соч. по вопросу о преданіяхъ, относящихся къ исторіи всемірнаго потопа, можно указать, на примѣръ, на Вигуру. Руководство къ чтенію и изученію Библии. Перев В Воронцова Москва 1897 г т I стр 433—436 Въ нѣмецкой богословской литературѣ кромѣ извѣстнаго собранія преданій Lükен'a (Die Traditionen des menschengeschlechts. Münster. 1856). сочиненій Usener'a (Die Sintflutsagen untersucht Bonn. 1899), Andree (Die Flutsagen ethnographisch betrachtet. Braunschweig 1891) и др обстоятельное изслѣдованіе народныхъ преданій о потопѣ, со ссылкой на авторитетныхъ изслѣдователей ихъ,

подтверждающихъ фактъ всеобщности всемірнаго потопа, имѣеть халдейское сказаніе, существующее въ нѣсколькихъ редакціяхъ—въ разсказѣ вавилонскаго жреца Бероза ²⁾ и въ нѣсколькихъ клиническихъ текстахъ халдейскаго разсказа о потопѣ, найденныхъ при раскопкахъ на мѣстѣ Ниневіи ³⁾. Вотъ, въ существенномъ извлеченіи и въ незначительномъ перифразѣ, текстъ одного изъ клиническихъ ска-

можно читать у Urquhart'a Die neueren Entdeckungen und die Bibel 5 Aufl. B. 1. Stuttgart 1904. s. 141—164. Извѣстныя рѣчи Делича о Библии и Вавилонѣ, гдѣ, между прочимъ, затронуть вопросъ и о библейскомъ потопѣ, вызвали цѣлую серію изслѣдованій и краткихъ замѣтокъ. Самъ Деличъ въ концѣ своей рѣчи о Библии и Вавилонѣ дѣлаеть значительный, по количеству, перечень откликнувшихся на его рѣчь друзей и противниковъ. У насъ въ русской литературѣ разборъ данныхъ о потопѣ, приводимыхъ Деличемъ, сдѣланъ, между прочимъ, въ апологетическомъ очеркѣ „Библия и Вавилонъ“. Петербургъ. 1904 г. Прилож. къ журн. Странникъ. См. стр. 75—85. Здѣсь, какъ и у самого Делича, дѣлаются ссылки на западныхъ, преимущественно германскихъ, ученыхъ, которые такъ старательно ситятся „воскресить Вавилонъ“. Общее указаніе на вавилонское сказаніе о потопѣ можно найти у проф. С. Глаголева въ очеркахъ по исторіи религіи. Сергіевъ Посадъ. 1902 г. стр. 58. Изъ переводныхъ брошюръ по вопросу о библейскомъ потопѣ, поскольку онъ затронуть Деличемъ, можно, напр., указать на Барта Библия и Вавилонъ. I, рѣчь Делича II, Вавилонъ и еврейская религія. Перев. съ нѣм. д-ра философіи А. В. Нурока. Петербургъ. 1904 г.

²⁾ Греческій текстъ Бероза, въ извлеченіяхъ изъ Полигистора, сохранился у Евсевія въ хроникѣ. Русскій переводъ его можно читать въ Библейской исторіи Лопухина, т. I. стр. 166—167. Ср также апологетическій очеркъ: „Библия и Вавилонъ“ стр 75—76. примѣч. Имѣется еще тождественное по существу съ сказаніемъ Бероза о потопѣ сказаніе о томъ же Абидена, сохранившееся у Евсевія и Синкелла

³⁾ Клиническій текстъ халдейскаго сказанія о потопѣ впервые былъ открытъ Георгомъ Смитомъ въ 1872 въ ниневійской библиотекѣ Ассурбаинала. Надъ возстановленіемъ и комментариемъ этого текста трудились ученые Haupt (въ Nimrod Epos) и Delitzsch (въ Assyrische Lesestücke). Переводы его дѣлались учеными Jensen'омъ, Winckler'омъ. Изъ русскихъ авторовъ о клинописномъ текстѣ см. у проф. Ѡ Я Покровскаго (Труды Кіев. дух. Акад. 1879 г. № I), у Петровскаго (въ Чт. Общ. люб. дух. проsv. 1889 г. Июль и Августъ), у Лопухина (въ Библейской исторіи т. I), у Рагозиной (въ исторіи Халдеи), а также въ апологетич. очеркѣ „Библия и Вавилонъ“. Между прочимъ, у Рагозиной (Исторія Халдеи Петербургъ. 1902 г.) данъ переводъ Гаупта (стр. 378—380). Послѣдній предзначалъ, было, свой исправленный переводъ клинописной поэмы о Гильгамешѣ для третьяго изданія Шрадеровскаго труда „Клинообразныя надписи и В. Завѣтъ“.

заній о потопѣ, который можно читать въ древней аккадіи-ской эпической поэмѣ о приключеніяхъ національнаго халдейскаго героя Гильгамеша или Издубара. Поэма начинается съ описанія приключеній Гильгамеша, царя города Эреха. Этотъ герой снискалъ благоволеніе богини Иштаръ и она предложила герою сдѣлаться ея мужемъ. Но Гильгамешъ отвергъ предложеніе богини. Въ отмщеніе за это Иштаръ насылаетъ на городъ Эрехъ страшнаго быка, потомъ поражаетъ смертью любимаго друга Гильгамеша и, наконецъ, наказываетъ проказой и самаго героя. Страждущій герой, преодолевая различныя препятствія, приходитъ за совѣтомъ въ далекую страну—къ мудрецу Пиръ или Ута-Напиштимъ. Въ разговорѣ съ мудрецомъ Гильгамешъ проситъ рассказать его о томъ, какъ онъ попалъ въ сонмъ боговъ. И Ута-Напиштимъ въ отвѣтъ на это рассказываетъ ему исторію потопа, отъ котораго онъ былъ спасенъ чудесною помощью бога Эа. „Ты знаешь, говоритъ мудрецъ, городъ Суриппакъ, что у Евфрата, городъ древній. Тамъ богамъ пришло на умъ послать потопъ. Великіе боги совѣщались всѣмъ сонмомъ: родитель ихъ—богъ Ану, суровый богъ Бэль—ихъ духъ истребитель, боги Нинибъ и Нергалъ. Съ ними сидѣлъ, прислушиваясь, владыка неисповѣдимой премудрости—богъ Эа и онъ повѣдалъ о намѣреніи боговъ хатамъ изъ тростника. Хата, хата тростниковая! слушай! 4) Дворецъ, дворецъ кирпичный! слушай! Внемли хата! Дворецъ внемли! Человѣкъ изъ Суриппака, сынъ Убаратуту! сруби домъ, построй корабль! Покинь имущество, спасай жизнь! Забудь богатства, сохрани жизнь! Собери въ корабль всякое сѣмя жизни... Корабль, который ты построишь, пусть будетъ соотвѣтственной ширины и длины! На море спусти его“... Я понялъ, говоритъ мудрецъ, и сказалъ моему господину Эа: „мой владыка! все, что ты сказалъ, я выслушалъ внимательно и все я это сдѣлаю. Но что сказать мнѣ городу, народу, старѣйшинамъ?“ Богъ Эа разверзъ уста и сказалъ,—онъ сказалъ мнѣ, своему рабу: „скажи имъ такъ: Бэль меня возненавидѣлъ, поэтому я не буду оби-

4) Въ этомъ обращеніи видятъ указаніе на то, что о намѣреніи боговъ было возвѣщено всѣмъ—и богатымъ и бѣднымъ См. анологетическій очеркъ „Библія и Вавилонъ“. Стр. 78. Ср. также у Рагозиной. Исторія халдеи стр. 379

тать болѣе въ вашемъ городѣ, не буду болѣе повергать лицо свое на землю Бѣла. Я снизойду къ морю и буду обитать у владыки моего, За. На васъ же прольется дождемъ водный потопъ... Скотъ, птицы погибнуть“...

„Едва разсвѣтъ забрезжилъ ⁵⁾“... Здѣсь, послѣ пропуска нѣсколькихъ строкъ, разсказывается о томъ, какъ былъ построенъ корабль, опредѣляется высота его стѣнъ, окружность крыши ⁶⁾. Далѣе, говорится о семи ярусахъ корабля, о девяти внутреннихъ отдѣленіяхъ, о количествѣ горной смолы, асфальта, понадобившихся для замазыванія щелей въ кораблѣ, о зарѣзанныхъ быкахъ, о маслѣ для жертвы, о виноградномъ сокѣ, о винѣ, о богатствѣ—о серебрѣ и золотѣ, взятыхъ на корабль, о всякомъ сѣмени жизни, о полевоомъ скотѣ, о домашнихъ животныхъ, о семействѣ, о роднѣ, о работникахъ, взятыхъ на корабль. Затѣмъ Ута Напиштимъ разсказываетъ о началѣ потопа. „Мгновеніе наступило: вечеромъ начальникъ мрака одождилъ землю... Я, говоритъ мудрецъ, посмотрѣлъ на землю. И страшно мнѣ стало, и я вошелъ въ корабль и затворилъ за собою дверь. Кормчему Пузурь—Шадурabu я ввѣрилъ большой тотъ домъ со всѣмъ его грузомъ. И вотъ показался первый блескъ зари; черныя тучи поднялись на небосклонѣ. Раммонъ (по другимъ Адагъ) загремѣлъ своимъ громомъ. Набу и Мардукъ выступаютъ впереди, и духи-истребители шагаютъ надъ горами и долами“... И далѣе перечисляются разные боги, производившіе наводненіе. Ужасы потопа устроили самихъ боговъ. Боги испугались потопа. Они пустились въ бѣгство. „Они стали прятаться на небѣ у Бога Ану“. „Какъ псы въ своей конурѣ, такъ боги стали жаться къ небесной оградѣ“... Повелительница боговъ Иштаръ „кричала, голосила прекраснымъ голосомъ, какъ женщина въ родахъ“... „Я изрекла, зывала она, злое въ собраніи боговъ, чтобы погубить людей моихъ“. „Тогда боги запла-

⁵⁾ Здѣсь въ самыхъ полныхъ клинописныхъ текстахъ поэмы пропускъ въ нѣсколько стиховъ.

⁶⁾ Въ передачѣ клинописнаго текста поэмы въ данномъ мѣстѣ встрѣчается разночтіе. Въ однихъ переводахъ высота корабля опредѣляется въ 120 локтей, въ другихъ въ 120 полулоктей. У однихъ ширина шалубы опредѣляется въ 120 локтей, у другихъ мѣрою въ 120, но только въ полулоктей, а локтей измѣряется окружность крыши. Но въ существеномъ въ переводы согласны

кали вмѣстѣ съ нею. Жгучими слезами заливались они. Они сидѣли горестные, понурые, неподвижные; уста ихъ были крѣпко сомкнуты. Шестъ дней и шесть ночей продолжался потопъ. При наступленіи седьмага дня пересталъ ураганъ и потопъ утихъ. Все человѣческое было погружено въ грязь“. „Я, говоритъ мудрецъ, открылъ окно и дивный свѣтъ освѣтилъ мнѣ лицо. Я опустился и сталъ сидѣть; я плакалъ; по моимъ щекамъ текли мои слезы“. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ остановкѣ корабля на горѣ Низирь. Шестъ дней держала корабль гора Низирь ⁷⁾. И вотъ на зарѣ седьмого дня мудрецъ выпустилъ голубя, который, полетавъ, возвратился назадъ. Потомъ была выпущена ласточка. Она также, какъ и голубь, возвратилась назадъ. „Тогда, продолжалъ мудрецъ, я взялъ и выпустилъ ворона. Воронъ отлетѣлъ и, увидѣвъ, что вода убыла, сталъ ѣсть, каркая и пробираясь чрезъ воду“. Воронъ не возвратился. Тогда мудрецъ выпустилъ всѣхъ животныхъ, вышелъ самъ и, воздвигнувъ на вершинѣ горы жертвенникъ, совершилъ возліаніе. „Боги обоняли благоуханіе. Боги обоняли пріятное благоуханіе. Словно мухи, собрались они около приносившаго жертву. И тотчасъ, какъ прибыла повелительница боговъ—богиня Иштаръ, она сняла чудное ожерелье, сдѣланное богомъ Ану, и сказала: „о, боги! клянусь моимъ ожерельемъ изъ ляписъ-лазури: никогда не забуду я этихъ дней, никогда не изгладится у меня память о нихъ! Пусть боги приступятъ къ жертвѣ. Но пусть Бэлъ не приближается къ ней за то, что онъ безразсудно наслалъ потопъ и осудилъ людей моихъ на гибель!“ Когда подошелъ Бэлъ, началось „препірательство“ между богами. „Что это за живыя существа спаслись?“—спрашиваетъ Бэлъ. Богъ Нинибъ разверзъ уста и сказалъ Бѣлу: „никто, какъ Эа виновникъ сего! Эа искусенъ во всемъ!“ Тогда Эа разверзъ уста и обратился съ упрекомъ къ Бѣлу: „Ты, могучій вождь боговъ! Почему, почему ты безразсудно послалъ потопъ? Пусть грѣшникъ несетъ кару за свой грѣхъ! Пусть виновный понесетъ вину за злыя дѣла свои! Но будь же милостивъ, да не все же погибнетъ! Пощади, да не все будетъ истреблено! Пусть

⁷⁾ Неоднократно упоминаемая въ Анналахъ Ашшуръ Низирь-ашла гора Низиръ находится между Тигромъ и Евфратомъ.

вмѣсто потопа пришли бы львы—и они бы уменьшили число людей! Но почему ты послалъ потопъ?! Пусть бы пришли тигры или леопарды—и они бы уменьшили число людей! Почему ты послалъ потопъ?! Пусть бы настала голодь и обезлюдилъ страну! Почему ты послалъ потопъ?! Пусть бы пришла чума—и опустошила страну“... Послѣ этого Бѣлъ, какъ бы подчинившись общей волѣ сожалѣвшихъ боговъ, взошелъ на судно, взялъ мудреца и его жену за руку, и, поставивъ ихъ на колѣни, благословилъ ихъ и сказалъ имъ: „доселѣ Ута-Напиштимъ былъ человѣкомъ, теперь онъ и его жена будутъ подобны намъ, богамъ. Пусть Ута-Напиштимъ обитаетъ въ дальней странѣ, у устья рѣкъ“. „И взяли они меня, заключаетъ мудрецъ, и поселили въ дальней странѣ у устья рѣкъ“.

Сопоставляя содержаніе клинописной поэмы о Гильгамешѣ съ библейскимъ повѣствованіемъ о потопѣ, апологетъ можетъ говорить о ея миѳологической или натуралистической окраскѣ и о несходствѣ ея подробностей съ данными библейскаго повѣствованія. При этомъ безпристрастіе, въ виду существованія преданій о потопѣ у разныхъ племенъ и народовъ, заставитъ его признать, конечно, въ этой поэмѣ намекъ на какой-то историческій фактъ⁸⁾. Но библеистъ, стоя на почвѣ данныхъ Библии, долженъ обратить вниманіе на идейное несходство повѣствованія Бытописателя и клинописныхъ сказаній о потопѣ. Если въ книгѣ Бытія потопъ разсматривается, какъ наказаніе нечестія и какъ единственное средство сохраненія отъ нравственнаго разложенія благочестивой отрасли людей, то въ клинописномъ сказаніи онъ является дѣломъ какого-то недоразумѣнія, точнѣе неразумія боговъ и именно бога Бѣла. Поэма о Гильгамешѣ съ этой точки зрѣнія представляетъ изъ себя какую-то злую профанацію—кощунственное издѣвательство язычников—политеистовъ надъ своими же опрометчивыми богами. Боги ихъ посылаютъ потопъ на землю, но сами не знаютъ, почему дѣлаютъ они это. И не удивительно, что боги перепугались,

⁸⁾ Обобщая Библейское повѣствованіе о потопѣ и сказаніе Вавилонянь о томъ же, большинство западныхъ ученыхъ считаютъ вавилонское сказаніе миѳомъ (смъ объ этомъ апологическій очеркъ: „Библия и Вавилонъ“ стр. 81—85) и заключаютъ, далѣе, что и библейское повѣствованіе содержитъ въ себѣ такъ же миѳъ, да еще заимствованный изъ Вавилона.

„какъ собаки“, и въ страхѣ отъ потопа „полѣзли на небо“. И эти же боги, „какъ мухи“ собрались на жертвенное приношение, при чемъ недовольная Бѣломъ властная Иштаръ лишаетъ Бѣла, какъ провинившагося мальчика, жертвеннаго мяса... Онъ остается безъ обѣда... Бѣль, проведенный богомъ Эа, въ безсильномъ гнѣвѣ желаетъ смерти всѣхъ людей, не исключая и мудреца. Но боги Нинибъ и Эа доказываютъ ему, что онъ несправедливъ и неразуменъ. И Бѣль, какъ бы признавъ свою вину, устраиваетъ мудрецу и его женѣ неожиданный апоѳеозъ.

Понятно, что монотеистическій Израиль психологически не могъ принять въ свое міросозерцаніе боговъ политеизма, что утверждаютъ сторонники гипотезы о заимствованіи библейскаго повѣствованія о потопѣ изъ Вавилона. И какой бы интересъ имѣло это заимствованіе, если бы авторъ пятокнижія говорилъ о такомъ фактѣ, который являлся бы случайнымъ, чуждымъ сознанію Израиля, преданіемъ—преданіемъ, непонятно видоизмѣненнымъ не только со стороны его политеистической окраски, но и со стороны нѣкоторыхъ подробностей, касающихся, напримѣръ, продолжительности потопа, мѣста остановки ковчега, порядка птицъ, выпускавшихся для опредѣленія состоянія земли послѣ потопа. А если принять во вниманіе частыя предостереженія пророковъ отъ сближенія Израиля съ Вавилономъ, то рѣшительно невозможно видѣть въ Библейскомъ повѣствованіи о потопѣ заимствованіе отъ „презрѣннаго язычества“⁹⁾. Глубокая пропасть, зияющая между религіознымъ сознаніемъ Израиля и грубо-чувственнымъ политеизмомъ вавилонянъ, дѣлаетъ невозможнымъ сближеніе повѣствованія Бытописателя съ древней поэмой о Гильгамешѣ. Вотъ почему о древней аккадітской поэмѣ можно сказать, что она получила *отъ человѣка болѣе, чѣмъ дала ему*¹⁰⁾, тогда какъ библейское повѣствованіе о потопѣ, проникнутое высокимъ религіозно-этическимъ содержаніемъ, даетъ вышечеловѣческое пониманіе Божественнаго руководства человѣкомъ.

Не будучи чѣмъ то производнымъ изъ Вавилона, библейское повѣствованіе о потопѣ, какъ слово правды, имѣетъ

⁹⁾ Проф. Бартъ перевъ съ нѣм. стр. 76—77.

¹⁰⁾ Urquhart Die neueren Entdeckungen und die Bibel. В I. s 115

своеобразный комментарий въ преданіяхъ и другихъ народовъ. Такъ, кромѣ вавилонскаго сказанія о потопѣ есть мифологическій разсказъ о побѣдѣ моря (Понта) надъ землею (Демарусомъ) у финикіанъ. Въ Апамеѣ Фригійской, во 2-мъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ, еще подъ вліяніемъ языческихъ представленій, была выбита медаль съ изображеніемъ потопа и съ упоминаніемъ о Ноѣ. Сирійцы, также хранящіе преданіе о потопѣ, показывали близъ Гіераполиса великую бездну, въ которую стекали воды потопа. Армяне говорили, что еще во времена императора Августа въ ихъ странѣ, на горѣ Баррисъ, существовали остатки ковчега. Среди преданій Эллады извѣстно распространенное и у Римлянъ арамейское преданіе о Девкаліонѣ, который спасся отъ потопа въ ковчегѣ съ дѣтьми и женою, а также съ животными, при чемъ это преданіе говоритъ о томъ, что допотопное человѣчество погибло вслѣдствіе своего нечестія и жестокости. У грековъ было извѣстно и другое преданіе о мифической личности Огигей¹¹⁾, при которой вся страна была наводнена потопомъ; воды его поднимались отъ земли до неба и Огигей спасся отъ нихъ только съ немногими спутниками. Овидій говоритъ о наказаніи Нептуномъ тирановъ и насильниковъ, жившихъ когда то на землѣ. Индусы имѣли преданіе о спасеніи Ману съ помощію пойманной имъ маленькой рыбки. Эта рыбка за свое спасеніе обѣщала спасти Ману. Ману берегъ рыбку, пока она изъ маленькой не стала большой. Рыбка выросла въ большую рыбу съ рогомъ на головѣ. Извѣщенный рыбою о приближающемся потопѣ, Ману сдѣлалъ корабль и привязалъ его къ рогу рыбы, которая и привела корабль къ сѣверной горѣ. Здѣсь Ману привязалъ свой корабль къ дереву и спасся отъ наводненія. У Иранцевъ было сказаніе о спасеніи Ыима—отца человѣчества съ помощію Ормузда, который посоветовалъ ему огородиться въ четырехугольномъ саду съ животными и растеніями, гдѣ Ыима и спасся отъ наводненія. Китайцы говорятъ, что родоначальникъ цивилизаціи ихъ Фо-хи избѣжалъ переворота вмѣстѣ съ своей женой, съ своими тремя сыновьями и съ тремя дочерьями. Въ поэтическихъ сказаніяхъ кимровъ Галліи, воспроизводящихъ очень древнія сказанія, говорится

¹¹⁾ Названіе Огигей родственно съ санскритскимъ словомъ „ога“—потопъ

о спасеніи отъ наводненія Двифана и Двифахи. Литовцы, позже другихъ европейскихъ народовъ принявшіе христіанство и имѣвшіе языкъ, близкій къ своему арійскому корню, имѣли сказаніе о потопѣ, произведенномъ богомъ Прамзиной, который послалъ на землю двухъ исполиновъ Ванду и Вейю—воду и вѣтеръ, опустошившихъ землю. Прамзина, готовившійся ѣсть небесные орѣхи, сжалился надъ землею и около горы уронилъ скорлупу. Остатокъ людей и нашелъ въ ней себѣ убѣжище. Въ Египтѣ было сказаніе о наказаніи людей смертію богомъ Ра чрезъ посредство богини Сехэтъ. Изъ исторіи истребленія человѣчества, описанной на стѣнѣ гробницы царя Сети, ясно видна и причина этого наказанія людей богомъ Ра. На общемъ совѣтѣ боговъ богъ Ра сказалъ: „вотъ люди возстаютъ противъ меня“. Гнѣвъ Ра умилостивляется жертвою и онъ въ договорѣ съ человѣкомъ обѣщаетъ не погублять болѣе землю... Изъ діалога бога Ра съ другими богами особенно видна близость египетскаго сказанія о наказаніи людей къ библейскому повѣствованію о всемірномъ потопѣ.

Преданія о потопѣ имѣются и за предѣлами стараго свѣта. Поразительно, что эти преданія, сохранившіяся у народовъ, отдѣленныхъ океаномъ отъ колыбели человѣчества и отъ Европы, часто ближе подходятъ къ библейскому повѣствованію о потопѣ, чѣмъ сказанія азіатскихъ и европейскихъ народовъ. Очевидно, что вмѣстѣ съ разселеніемъ отдѣльныхъ народностей, происшедшихъ изъ общаго корня, разнесено было по отдаленнымъ пунктамъ земного шара и глубоко врѣзавшееся въ сознаніе родоначальниковъ преданіе о водной катастрофѣ. Изъ преданій новаго свѣта о потопѣ особаго вниманія заслуживаетъ мексиканское сказаніе, бывшее у мексиканцевъ еще ранѣе соприкосновенія туземцевъ съ европейцами. По этому сказанію Ной мексиканскаго потопа—Коксъ-Коксъ, называемый также Ципактли или Тепци, спасся отъ потопа вмѣстѣ съ женою, дѣтями, съ нѣкоторыми животными и сѣменами въ обширномъ кораблѣ. При окончаніи потопа Коксъ-Коксъ выпускаетъ хищную птицу—коршуна, не возвратившагося въ корабль. Одна изъ выпущенныхъ послѣ птицъ—колибри возвратилась и принесла вѣтвь съ молодыми листьями. Это сказаніе увѣковѣчено и въ живописи мексиканцевъ. Отголосокъ его находится у ацтековъ,

мицтековъ, запотековъ, тласкальтековъ и мехоаканезовъ. Въ Ватиканской бібліотекѣ въ Кодексъ Ватиканскомъ есть древній документъ съ космологической системой мексиканцевъ. Здѣсь на четырехъ картинахъ изображается четыре періода міра, гдѣ гибель обитателей перваго періода поставлена въ связь съ голодомъ, второго—съ огненной стихіей и превращеніемъ людей въ птицъ, третьяго—съ ураганомъ и превращеніемъ людей въ обезьянъ, четвертаго—съ великимъ наводненіемъ. Ученіе о послѣдовательныхъ періодахъ находится въ сборникахъ миеологическихъ преданій Гватемалы въ Пополь-Ву. Иранцы рассказываютъ о собакѣ, предупредившей господина своего о близости страшнаго наводненія и предложившей отыскать корабль или лодку для спасенія его. Господинъ, разгнѣвавшійся сначала, было, на собаку за то, что она выла, бѣгая по рѣкѣ и смотря на воду, внялъ ея совѣту, когда услышалъ, что она заговорила человѣческимъ голосомъ и съ помощью ея спасся самъ и его семейство. Есть подобныя же рассказы у островитянъ Фиджи, у Таманаконъ на берегахъ Ореноко, въ Новой Калифорніи, на островахъ Океаніи у полинезійцевъ, у жителей алеутскихъ острововъ, у жителей Канады и долинъ Миссисипи. Въ сказаніяхъ послѣднихъ говорится, между прочимъ, объ истребленіи потопомъ всѣхъ людей, такъ что великій духъ для заселенія земли долженъ былъ превратить въ людей животныхъ.

И замѣчательно, что хронологическія даты, указываемыя нѣкоторыми преданіями для опредѣленія времени потопа, падаютъ приблизительно на одно и то же время. А это заставляетъ, разумѣется, предполагать, что различныя преданія относятся къ общей катастрофѣ. Такъ, по свидѣтельству римскаго историка Варрона, потопъ Огигеевъ долженъ быть отнесенъ къ 2300 году до Р. Х. Сопоставленіе свидѣтельствъ, относящихся къ исторіи вавилонянъ, ассиріянъ, финикіянъ, даетъ возможность установить приблизительную дату для времени царствованія перваго царя — родоначальника этихъ народовъ Бѣла, называемаго также Бѣль-Хамошъ, каковое названіе сближаетъ его, между прочимъ, съ однимъ изъ сыновей Ноя—Хамомъ. Эта дата падаетъ на 2316 годъ до Р. Х. Египтяне начало своей послѣпотопной исторіи относятъ, по воспоминаніемъ, къ 2600 году до Р. Х. Китайцы время жиз-

ни Іао, съ именемъ котораго связывается воспоминаніе о потопѣ, относятъ къ 2357 году до Р. Х. По хронологическимъ даннымъ мексиканцевъ ихъ Коксъ-Коксъ жилъ въ 2658 г. до Р. Х. Преданіе кельтскихъ народовъ относитъ время потопа не менѣе какъ за 2000 лѣтъ до Р. Х. ¹²⁾ Какъ видно, время потопа всѣми этими датами довольно согласно относится къ третьему тысячелѣтію до Рождества Христова.

Преданія, хранящія память народовъ о потопѣ, увѣковѣчены и въ религіозныхъ празднествахъ этихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, на островахъ Фиджи въ концѣ Октября при солнечномъ закатѣ совершается празднество въ честь умершихъ. Въ Перу въ началѣ Ноября совершается праздникъ новолѣтія, называемый Аймарка (Ayamarca) отъ Айа—трупъ. Этотъ своеобразный день поминовенія усопшихъ сопровождается плачемъ, грустными пѣснями и печальной музыкой. Персы называютъ Ноябрь словомъ Мордадъ, что значитъ „ангелъ смерти“ и праздникъ въ честь усопшихъ у нихъ, какъ и въ Перу, совпадаетъ съ новолѣтіемъ. Слѣды этого праздника имѣются у грековъ и у римлянъ. У друидовъ перваго Ноября была полная таинственности ночь. Въ это время у нихъ совершался годичный праздникъ возобновленія міра. Между прочимъ, въ этотъ праздникъ ежегодно разламывалась и снова настигалась крыша храма, какъ чувственный образъ гибели и спасенія міра. Ночью гасился священный огонь, который безпрерывно горѣлъ во притворѣ храма. И это было 'сигналомъ', по которому гасились всюду огни и вся страна погружалась какъ бы въ темную мрачную ночь. Въ священныхъ факелахъ ирландцевъ, въ огняхъ, употреблявшихся при играхъ скотовъ, можно видѣть также указаніе на таинственный священный вечеръ, чѣмъ видимымъ образомъ напомнилось о разрушительномъ мракѣ, послѣ котораго міръ снова какъ бы просвѣтлѣлъ и ожилъ. Въ Мексикѣ въ Ноябрь, во время приближенія племъ къ зениту, совершалось большое празднество съ человѣческими жертвоприношеніями, которыми мексиканцы думали предотвратить ужас-

---

¹²⁾ Ср. Богородскій Начало исторіи міра и человѣка. стр. 370. Сравненіе хронологическихъ датъ съ датой библейскаго потопа см у Utrichart'a. Цит соч s 160.

ное несчастіе, когда-то однажды уничтожившее міръ. Связь всѣхъ этихъ церемоній съ воспоминаніемъ о міровой водной катастрофѣ не можетъ подлежать сомнѣнію. Особенно ясна эта связь ноябрьскихъ празднествъ различныхъ народовъ съ преданіемъ о потопѣ въ культѣ египтянъ, гдѣ жрецъ, какъ образъ Озириса, въ праздникъ мертвыхъ отправлялся на лодкѣ или на кораблѣ въ море. Если мы сравнимъ дату этого празднества, падающаго на 17-е число и вообще ноябрьскія празднества языческихъ народовъ съ датой библейскаго повѣствованія о потопѣ, то увидимъ, что эти даты часто говорятъ о событіи, происшедшемъ не только въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ, но иногда и въ тоже самое число. Библия говоритъ о семнадцатомъ числѣ второго мѣсяца, когда „разверзлись всѣ источники великой бездны и окна небесныя отворились“ (Быт. 7, 11). А именно объ этомъ же, приблизительно, мѣсяцѣ, а иногда о томъ же самомъ и числѣ, какъ о днѣ великой катастрофы, хранили и хранятъ воспоминаніе различные народы въ своихъ религиозныхъ празднествахъ. И эти народы, иногда незначительныя племена, часто еще не вышли изъ состоянія дикости и полной отчужденности¹³⁾. Слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о сознательномъ или безсознательномъ заимствованіи. Здѣсь можно видѣть только различную индивидуализацію общаго представленія объ одномъ и томъ же фактѣ. Очевидно, *всемірное повѣствованіе говоритъ о всемірно-историческомъ событіи.*

И ни въ космогоническихъ ни въ миѳологическихъ представленіяхъ различныхъ развѣтвленій человѣческаго рода нельзя найти ни одного такого *универсальнаго* явленія, которое имѣло бы для себя такое множество свидѣтельствъ, какъ потопъ. Намъ извѣстно, напримѣръ, библейское повѣствованіе о другой потрясающей катастрофѣ въ цвѣтущей нѣкогда долинѣ. Мы говоримъ о сѣрномъ огненномъ дождѣ, пзлитомъ Господомъ въ Сиддимскую долину, когда сокрылись въ водахъ мертваго моря четыре города. Изъ всѣхъ жителей этихъ населенныхъ, развратныхъ городовъ спасся одинъ лишь Лотъ съ двумя своими дочерьями (Быт. 19, 24—30). И однако, воспоминаніе объ этой катастрофѣ такъ и осталось почти только мѣстнымъ воспоминаніемъ, хотя, оно, какъ и повѣствованіе

¹³⁾ Ср. Unguhart. Цит соч. s 162—164

о потопѣ, было занесено на страницы Библии ¹⁴⁾. Очевидно, эта частичная катастрофа не имѣла такого всемірнаго значенія, какое имѣлъ фактъ потопа, заставившій почти всѣ племена земныя говорить о себѣ, какъ о явленіи неповторявшемся и единственномъ въ своемъ родѣ.

И если ориенталисты, какъ бы вызывающіе изъ подъ развалинъ сокрытыхъ подъ землею городовъ халдеевъ, египтянъ, сирійцевъ, финикіанъ, желаютъ, чтобы эти народы снова „воскресли“ и вмѣстѣ съ ними, какъ выразился Деличъ, повторяя слова Гете, приложили „ножъ и зондъ къ пято-книжью Моисееву“ и дали свидѣтельство противъ „священной торы“, то эти народы древности, какъ бы остроумно не изъяснялись ихъ свидѣтельства, могутъ, въ согласіи съ другими насельниками земли, признать только *одно*, что потопъ былъ и что этотъ потопъ былъ *всемирнымъ*.

Открылись египетскія пирамиды и ассирійскіе дворцы... Скучная когда-то свѣдѣніями древняя исторія обняла и освѣтила неизвѣстную ранѣе историческую судьбу многихъ народовъ...

Но и пирамиды и дворцы и исторія народовъ не знаютъ ничего большаго, чѣмъ знаетъ Библия о первыхъ судьбахъ человѣка, о его паденіи и возстаніи, о его гибели въ водахъ потопа и о спасеніи человѣчества въ лицѣ Ноя и его семейства...

Д. Введенскій.

---

¹⁴⁾ Богородскій Начало исторіи міра и человѣка стр 363 Впрочемъ, Страбонъ и Тацитъ слышали сказаніе о томъ, что города Сиддимской долины были уничтожены молніею или подземнымъ огнемъ См Веберъ. Всеобщая исторія. Москва 1885 г. т I. перев Андреева стр 493. ср замѣч. по этому вопросу на стр. 496 Но замѣчаніе Страбона и Тацита не указываетъ на общераспространенность преданія о казни городовъ въ долину Сиддимъ.